

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ ИДЕЙ И. Г. ДРОЙЗЕНА В КОНЦЕПЦИЯХ НАРРАТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНИИ*

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических разработок идеологов «обновлённого историзма», нацеленных на развитие идей ведущего методолога историзма прусской школы И. Г. Дройзена (1808-1884). Подвергнута анализу концепция типов «исторического рассказа», автором которой является видный немецкий учёный Йорн Рюзен, возглавляющий в Северной Рейн-Вестфалии научно-исследовательский центр «наук о культуре» (Kulturwissenschaftliches Institut, Essen) по изучению актуальных проблем гуманитарного знания.

Ключевые слова: язык историка, историзм, нарративный дискурс, постмодернизм.

В исторической науке последних десятилетий заметна популяризация двух тенденций. Первая представляет собой реабилитацию повествовательной истории, когда под историческим повествованием предлагается понимать «не просто способ изложения исторического материала, но тип его концептуального направления» [Олейников А. А. 1999, 28]. Вторая, проистекающая из данного эпистемологического установления, по меткому определению американского историка Лоуренса Стоуна, есть «воскрешение нарратива» – воплощённого в повествовании исконного способа воспроизведения событий прошлого [Stone L. 1979].

При взгляде на историческую методологию Германии, где теоретические искания с недавнего времени оказываются наиболее плодотворными, сюда можно добавить также возрождение историзма – духовно-культурного движения, воплотившего в академическом историописании стремление преодолеть спекулятивные философско-исторические системы гегельянского толка и выявить основополагающие принципы, «...на которых должна строиться подлинная немецкая историография». Эти принципы в обобщённом виде обозначил Э. Трёльч, решавший проблемы исторического познания путём сочетания взглядов Дильтея и неокантианцев и призывавший рассматривать индивидуальные исторические явления в потоке их становления и изменения [Troeltsch E. 1922]. Данный

идеографический метод, «...практикуемый во времена Ранке, был философски возведён Виндельбаном и Риккертом в систему, мистифицирован “философией жизни” Дильтея и отшлифован Майнеке» [Lozek G. 1964, 203]. В дальнейшем его установления явились общей методологической опорой конкретно-эмпирической историографии, суть которой сводилась к замене генерализующего взгляда на историю её индивидуализирующим пониманием [Meinecke F. 1959, 2].

Появление новых исследований об историзме, повлекших в 80-е гг. XX века верификацию методологических оснований познания прошлого со стороны антисциентистской (нарративистской) историографии, было спровоцировано вызовом «исторической социальной науки» с её междисциплинарным подходом к анализу общественных явлений, в рамках которого осуществлялось систематическое изучение социально-экономических и идейных основ исторического процесса. Начав своё развитие под эгидой преодоления историзма и представляя историю не иначе как «социальное взаимодействие людей в разные времена в специфических формах, обусловленных особенностями исторического бытия», «историческая социальная наука» сменила фокус исследований немецкой историографии от особенного к всеобщему, от событий к структурам, от описания к анализу.

Новые явления были восприняты сторонниками нарративистского направления, не примкнувшими к «исторической социальной науке», а избравшими для себя путь «обновлённого историзма» через обращение к идейному наследию великих мыслителей прошлого. В то время как «в 70-е – начале 80-х гг. бурный рост новой социальной истории и её субдисциплин, как и всей “новой исторической науки” происходил на достаточно эклектической методологической основе» [Репина Л. П. 2001, 121], нарративистская историография, не умаляя научности методов «социальной истории», ратовала за возвращение в арсенал исторической методологии классической триады – «эвристика, критика, интерпретация», впервые обозначенной И. Г. Дройзеном [Droysen Y.G. 1977, 31-187].

Йоганн Густав Дройзен, «на которого

* © Робустова Е.В.

ссылаются даже в наше время как на крупного теоретика исторической науки» [Каплина Л. М. 2001, 203], «универсальный историк», привнесший в научный обиход термин «эллинизм» и снискавший мировую известность трактатами по истории «нового времени античности», кроме этого, активный политический деятель, автор 14-томного труда «История политики Пруссии», из опыта собственного научного творчества постиг таинство написания истории, оставив на скрижалях европейской науки «историческую концепцию исторического значения» [Савельева И. М. 2004, 6].

Зарубежные специалисты рассматривают учение «великого классического историка» [Уайт Х. 2002, 171] как первый большой вклад в создание профессиональной научно-исторической теории [Weumar Н.-J. 1969, 1]. «Современная западногерманская историография во многом наследует подобное отношение к историографической практике Дройзена и, следовательно, наследует целый ряд проблем, сохраняющих своё значение и для современных исследователей» [Кириленко Е. И. 1982, 9]. Несмотря на то, что в XIX столетии, при жизни Дройзена, основные темы его изысканий не получили развития, «они во многом определили содержание историко-теоретических дискуссий всего XX века» [Савельева И. М. 2004, 14].

Размышления крупнейшего идеолога историзма были направлены на решение самых разных проблем научного отображения прошлого. «Его взгляды представляют собой всесторонне продуманную, целостную теорию познания...», которая «...предвосхитила ряд представлений буржуазной историографии более позднего времени, в том числе буржуазной историографии ФРГ» [Смоленский Н.И. 1980, 339, 349].

Многогранность и размах теоретических исследований Дройзена снискали ему славу корифея германской историографии. В последние годы особый интерес вызывает его анализ форм историописания, представленный в курсе лекций по исторической методологии, читавшемся Дройзеном с 1857 по 1883 год под общим названием «Historik». По объяснению русского мыслителя Николая Кареева, которому принадлежит много полезных и тонких замечаний о специфике научно-исторической работы, слово «historice» (историка), в смысле искусства историописания встречающееся ещё в древности у Квентилиана, употреблялось Дройзеном для исследования «техники исторической методологии»

[Кареев Н. 1913, 48, 49].

Сам Дройзен, называя «Historik» «органом исторического мышления», пояснял, что она охватывает методологию исторического исследования, систематику всего, что можно исследовать при помощи исторического метода и топику как изложение научных результатов в тексте исторического сочинения [Droysen Y.G. 1884]. В разделе «Топика» он анализировал используемые модели историописания, предложив концепцию, согласно которой историческое изложение осуществляется четырьмя основными способами, в зависимости от задач принимая форму изыскания, повествования, поучения и полемики.

Согласно этой концепции, в первом случае, при посредстве «исследовательского изложения» (нем. «die untersuchende Darstellung»), автор как бы вводит читателя в свою «кухню». Вместе с ним он либо отыскивает материал, подтверждающий некий вывод, либо приходит к определённом выводу, вытекающему из некоего материала. Таким образом, важным здесь становится не объяснение установленных исследователем фактов, а сам исследовательский процесс познания. «Рассказывающее изложение» (нем. «die erzählende Darstellung»), в свою очередь, представляет историю как направленный процесс исторического толкования, осуществляемого согласно субъективной точке зрения автора. «Дидактическое изложение» (нем. «die didaktische Darstellung»), со своей стороны, имеет характер поучения и призвано служить познавательным и воспитательным задачам истории. Наконец «дискуссионное изложение» (нем. «die discussive Darstellung») имеет место, когда речь идет об анализе актуальных событий с привлечением опыта прошлого.

В последней четверти XX века стремление исследовать «жанровое многообразие» научно-исторических сочинений, присущее историзму XIX столетия, было проявлено представителями «обновлённого историзма», так же, как и Дройзен, специально подчеркивающими, что обращение к исследованию «жанров» исторических произведений не должно наводить на мысль о художественном характере создаваемых трудов по истории.

Современные идеологи «обновлённого историзма», такие, как У. Бехер, У. Мулак, Ф. Егер считают «...глубокой ошибкой представлять исторические сочинения нарративной формы в таком свете, что история уже выглядит скорее искусством, чем наукой».

На наш взгляд, в этом заявлении присутствует некоторое лукавство. Тот факт, что «основную единицу», «идеальный тип исторического смыслообразования» указанные авторы обозначают понятием «нарратив», традиционно воспринимаемым как «рассказ», подчеркивает сопричастность историописания не столько научному, сколько литературному творчеству, даже если отмечено, что «нарративный исторический дискурс должен рассматриваться как научное повествование о прошлом с целью обнаружения исторической истины». К тому же не стоит упускать из вида, что само представление об истине в гуманитарном знании последней четверти XX века, так или иначе связанном с философией постмодернизма, стало вытесняться «абсурдистским понятием свободной игры смыслов, когда тексты интерпретируются неограниченным числом способов» [Иггерс Г.Г. 2001, 140]. Однако всё же следует признать, что это замечание в наименьшей степени касается сторонников нарративизма в Германии, где историография традиционно позиционируется «...в структуре и терминах научной истории» [там же].

Среди теоретических конструкций, выражающих современное видение диалектики описания и объяснения в истории, наибольший интерес представляет концепция видного немецкого учёного Йорна Рюзена, так же, как и Дройзен, выделяющего четыре вида отображения прошлого, называя их «способами нарративного исторического смыслообразования».

Заметим, что теория типов исторического изображения, представленная в рамках общеисторической концепции Дройзена, так и не была воспринята его соотечественниками. Рюзен – один из первых современных исследователей, попытавшихся осмыслить её значение исходя из концептуальных изменений в области научной методологии. Взяв на вооружение призыв идеологов историзма к генетическому рассмотрению социальных процессов и герменевтическому постижению мотивации действий «актёров» истории, современный теоретик нарративизма выдвинул лозунг «За обновлённую Historik», под эгидой которого им была представлена собственная теоретическая разработка типов «исторического рассказа». И хотя концепция Рюзена во многом отличается от той, что была изложена Дройзеном в последнем разделе его «научения истории» под названием «Топика», однако реминисценция, «припоминание», опосредованное заимствование мыслей ве-

ликого предшественника здесь налицо. При этом он так же, как и Дройзен, выделяет четыре способа отображения прошлого – в терминах Рюзена это «традиционный», «поучительный», «критический» и «генетический рассказ».

Согласно представленной типологии, первым фактором, направляющим процесс историописания, является традиция, формирующая концепцию «традиционного рассказа» (англ. «traditional narrative»). Как показывает немецкий теоретик, установка на традицию присутствует в «официальных» исторических сюжетах всех времён – от сочинений отцов церкви и трудов по генеалогии правящих домов до изучения актуальных социальных процессов, призванных при опоре на традиционные ценности сформировать мнение о неизбежности сложившихся социальных связей, так как переданные в таком ключе знания о прошлом стабилизируют «Я» и «Мы» действующих субъектов через представление о правомочности заданных ориентиров действия.

Во многих случаях именно традиция является гарантом предохранения от ошибок, уже совершённых в веках, генерируя в себе общие правила и законы, которые являются предметом рассмотрения следующего типа отображения прошлого – «поучительного рассказа» (англ. «exemplary narrative»), по своему нравственному содержанию следующего известному девизу Цицерона «*Historia est magistra vitae*». По мнению Рюзена, это изречение римского оратора об «истории – наставнице жизни» можно было бы смело поставить эпиграфом к историческим сочинениям любой эпохи. Подобного рода установка прослеживается в тех научных трудах, авторы которых из анализа рациональных и нерациональных действий героев истории пытались извлечь уроки, делающие восприимчивых исторического опыта компетентными при изменении жизненных обстоятельств [R sen J. 1989, 45-49].

Однако, как заметил по поводу упомянутого высказывания Цицерона русский историк Р. Виппер, «...бывают эпохи, когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю» [Виппер Р. 1921, 3]. Что заставляет специалистов вновь и вновь проверять и изменять свои суждения, и каким образом данные процессы переоценки отражаются на характере исторического изложения? На этот вопрос Рюзен пытается ответить при анализе следующей разновид-

ности нарративной историографии – «критического рассказа» (англ. «critical narrative»), при этом указывая на отличительную черту «критического смыслообразования» – принципиальное неприятие заданных образцов толкования. Это делает его особенно популярным в ситуации назревающих общественных перемен, когда реализуется установка на «переоценку всех ценностей». Однако обратной стороной критического изложения оказывается в таком случае нигилистический отказ от прежней историографической традиции: Вольтер, сравнивавший стиль Ветхого Завета с языком скандальных хроник, советская наука, отрицавшая научность тех западных концепций, которые не вписывались в рамки марксистски заданных образцов толкования, наконец, современная публицистическая позиция, объявлявшая ненаучной теперь уже «коммунистическую» историографию – несмотря на всю меткость формулировок, вряд ли такие оценки можно признать морально оправданными. Историческое сочинение, в котором царит дух отрицания, иллюстрирует древний афоризм: «Мы ничего не сделали великого, но лишь обесценили то, что считалось великим». Поэтому в качестве самостоятельной формы историописания «критический рассказ» ещё не может служить образцом подлинно научной историографии, т. к. оставляет после себя задачу обоснования новых воззрений согласно представлению о диалектической преемственности непосредственного (настоящее) и опосредованного (прошлое) бытия. Её призван решить последний тип нарративного оформления знания, получивший у Рюзена обозначение «генетического рассказа» (англ. «genetical narrative»).

В дискурсе генетического изложения переход к новой точке зрения осуществляется из самой логики прошлого – без категорического отрицания предшествующего знания и понимания [Rüsen J. 1989, 52-55]. Типы исторического повествования мыслятся Рюзеном как иерархия способов изложения, в которой «генетический рассказ» занимает ведущее положение [Rüsen J. 1989, 57-61].

Как видим, концепция современного немецкого специалиста только по своей форме оказывается «подражанием Дройзену». И дело даже не в том, что Рюзеном обозначены совсем другие способы репрезентации прошлого. Речь идёт о принципиально отличном понимании научной роли «рассказа».

Дройзен, выделяя помимо «рассказывающего» в качестве ведущих форм историописания также исследовательское, дидактичес-

кое и дискуссионное изложение, специально указывал, что хотя история не может быть научно передана иначе, чем через текст, нарративно не всякое написание истории. «Когда под историческим изложением всегда понимается одно только повествовательное, мне это кажется сплошной рутинной. Многие результаты исторического исследования никак не подходят для того, чтобы их излагали в этой популярнейшей форме» [Дройзен И.Г. 2004, 394]. «Рассказывающее» изложение в принципе невозможно там, где объектом рассмотрения становятся социальные процессы, происходящие в очень длительном временном промежутке. «Я не знаю, – рассуждал создатель «наукоучения истории», – как можно рассказывать историю правовых институтов или трёхпольного хозяйства». То же самое касается событий, которые непосредственно проходят перед глазами автора – их можно освещать, как представлялось Дройзену, исключительно в дискуссионной форме, и только тогда они могут представлять интерес для науки о прошлом.

Таким образом, если у Дройзена «рассказывающее историческое изложение» (die erzählende Darstellung) является лишь одним из видов написания истории, причём отнюдь не лучшим в силу присущего ему субъективизма, то Рюзен представляет нарратив не иначе как наиболее приемлемую модель научно-исторического описания и объяснения. Это обусловлено тем, что современный нарративизм «...имеет тенденцию редуцировать историческую репрезентацию к рассказыванию историй» [Анкерсмит Ф.Р. 2009, 15].

Рюзен рассматривает историческое изложение как диалектическую взаимосвязь способов повествования, обуславливающих взаимную трансформацию одной нарративной формы в другую в особом почерке «рассказа» [Rüsen J. 1989, 57-61]. При этом мы можем заметить некоторые противоречия. Так, с одной стороны, автором допускается восприятие каждого способа изложения в качестве самостоятельной «нарративной единицы» отображения прошлого – эту мысль немецкий теоретик иллюстрирует многочисленными примерами как из научной, так и «донаучной» историографии. Однако затем он начинает рассматривать как «собственно научный» главным образом способ «генетического изложения», представляя иные формы «нарративного смыслообразования» в виде ступеней к достижению генетического видения истории. Получается, что только один «генетический рассказ» в итоге может

воплощать в себе законченный результат научного познания, тогда как традиционный, ассоциативный и критический способы повествования оказываются всего лишь формами определённых дискурсивных практик.

Очевидно, что общий строй представленной Рюзенем типологии исторического нарратива отличает некоторая логическая нечёткость в определении научной значимости каждого из предложенных видов повествования. Тем не менее этим отнюдь не умаляется заслуга современного учёного в возрождении забытой проблематики, касающейся основных принципов, которыми определён процесс исторического изложения. И хотя к концу XX века «очарованность» нарративом прошла, «возвращение к истории-повествованию» [Гуревич А. Я. 1996, 9] заставляет историков использовать всё то ценное, что было ознаменовано «нарративным поворотом» западной историографии, когда вопрос о научно-художественном качестве исторического текста решался через обращение к классическому наследию великих исследователей прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Droysen Y. G. Grundriss der Historik. 3. umgearb. Aufl. Leipzig, 1882.
2. Droysen Y. G. Historik. Vorlesungen ber Enzyklopedie und Methodologie der Geschichte. Hrsg. von R. Hübner. 8. unveränderte Aufl. München&Wien, 1977.
3. Lozek G. Bürgerliche Geschichtsschreibung Westdeutschlands in der Krise // Einheit. 1964. № 9-10.
4. Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Werke. Bd. III. München, 1959.
5. Rüsen J. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie J.G. Droysens. Paderborn, 1969.
6. Rüsen J. Für eine erneuerte Historik. Studien zur Theorie der Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 1976.
7. Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory, Vol. 26: The representation of Historical Events (Gec., 1987).
8. Rüsen J. Lebendige Geschichte: Formen und Funktionen des historischen Wissens (Grundzüge einer Historik III: Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft). Gettingen, 1989.
9. Rüsen J. Wie kann man Geschichte vernünftig schreiben? ber das Verheltnis von Narrativität und Theoriegebrauch in der Geschichtswissenschaft / Theorie und Erzählung in der Geschichte. München, 1979.
10. Stone L. The Revival of Narrative: Revlections on a New Old History. – Past and Present, v. 85. 1979. №1.
11. Troeltsch E. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922.
12. Weymar H.-J. Droysens Theorie der historischen Erfahrung. Inaug. - Diss. Augsburg, 1969.
13. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Пер. с англ. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
14. Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань: 2-я государственная типография, 1921.
15. Дройзен И. Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой, под ред. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2004.
16. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей: Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Наука, 1996.
17. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001.
18. Каплина Л. М. Истинная и фальсифицированная истории и проблема ответственности историков. Прошлое и настоящее / XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. Отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М.: Наука, 2001.
19. Кареев Н. Теория исторического знания. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913.
20. Кириленко Е.И. Теоретико-методологические основы исторических представлений И. Г. Дройзена: Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1982.
21. Олейников А. А. История – событие и рассказ: (Критический анализ философии нарративной формы): Дис. ...канд. филос. наук: 09.00.03. М., 1999.
22. Репина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) / XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М.: Наука, 2001.
23. Савельева И.М. Обретение метода. В кн.: Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой, под ред. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2004.
24. Смоленский Н. И. Категории национально-политической историографии Германии 1848-1871 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.09. Горький, 1980.
25. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.

E. Robustova

DROYSEN'S IDEAS REMINISCENCE IN THE CONCEPTIONS OF NARRATIVISTS HISTORIOGRAPHY OF GERMANY

Abstract. The Article is devoted to the ideologists of “updated historicism” directed to the

development of I.G. Droysen's (1808-1884): the conception of types of historical narrations is analyzed, the author of which is a great scientist Yorn Ruesen, heading a scientific center "science about culture" (The Institute for Ad-

vanced Study) in Essen, Germany, on learning actual problems of humanitarian knowledge.

Key words: Language of the historian, historicism, narrative discourse, postmodernism.

УДК 929 Ленин

Доспишил Д.В.

ФИГУРА В.И. ЛЕНИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯНА СЛАВИКА*

Аннотация. В статье анализируется понимание фигуры В. Ленина в исследованиях чешского историка Яна Славика (1885-1978). Для Славика Ленин – это прогрессивная фигура в истории, великий реформатор. Форма диктаторского правления Ленина рассматривается как необходимость, вытекающая из отсталости российского общества. При этом данная оценка фигуры Ленина связана с общей оценкой Славиком революции как модернизирующей силы. Значимость фигуры Ленина для Яна Славика состоит в том, что он провел радикальные реформы, которые коснулись всех сфер общественной жизни и модернизировали российское общество.

Ключевые слова: В. Ленин, русская революция 1917 г., Ян Славик.

Ян Славик (1885-1978) относится к заслуживающим наиболее пристального внимания чешским историкам XX века. На протяжении всей своей жизни Ян Славик занимался проблемами российской истории, в первую очередь, анализом русской революции, и одной из самых важных тем его интересованных, была фигура Владимира Ильича Ленина и его роль в российской революции и в развитии России.

В середине 1920-х и начале 1930-х гг. Славик трижды посетил Россию, после чего написал ряд работ и статей о своих впечатлениях о жизни в современной советской России, в том числе «Ленин и Петр Великий». [2, 1-2] В данной статье Ян Славик сравнил историческое значение личности Владимира Ленина с историческим значением личности Петра Великого. Оба политика при реформировании России применяли жестокие насильственные методы и радикально изменили весь общественный строй (начиная реформами политических институтов, и через реформы

экономики и культурной жизни).

Славик задал себе вопрос, являлось ли насилие при проведении реформ неизбежным или нет, и пришел к выводу, что как Петр, так и Ленин при реформировании России не могли поступать иначе. Главной причиной того, что Петр Великий и Ленин вынуждены были поступать так, как поступали, по мнению Яна Славика, был низкий культурный уровень российского населения и его неспособность понять разумные аргументы реформаторов.

Во времена и Петра, и Ленина одной из главных причин отставания, по мнению Славика, был восточный менталитет населения, что проявлялось, в частности, в низкой трудовой морали. На этих основаниях Ян Славик сделал вывод о том, что Петр Великий и Ленин использовали насилие при реформировании России для того, чтобы научить россиян работать лучше. В обоих случаях (Петр Великий и Ленин) результаты реформ проявились не сразу, а с некоторым отступом времени.

В 1923-1924 гг. Ян Славик написал ряд работ («Главы о Ленине» [1], «Ленинский локомотив» [3], «Ленин умер» [4]), в которых в целом продолжил свою линию анализа фигуры Ленина как реформатора. Из-за ограниченности объема статьи мы рассмотрим, прежде всего, работу «Главы о Ленине». В данной статье Славик подчеркнул, что революция не была спонтанным явлением, а была объективным следствием процесса, начало которого можно видеть уже в середине XIX века (Славик сослался на труды русских философов и историков, которые задолго до революции указывали на отсталость России и призывали к изменениям).

Как и в более ранних работах, Ян Славик сравнивает Ленина с Петром Великим. Новым является сравнение Ленина с Иваном Грозным. Оба упомянутых царя были извест-

---

* © Доспишил Д.В.